Уроки обольщения

Автор:
Бронвин Скотт

Уроки обольщения

Бронвин Скотт

Исторический роман – Harlequin #88

Мисс Клэр Велтон хороша собой, богата, умна, владеет четырьмя иностранными языками, однако до сих пор не получила стоящего предложения руки и сердца. С детских лет Клэр влюблена в неотразимого Джонатана Лэшли, но молодой дипломат совершенно не замечает ее. На балу Клэр ненароком делает Джонатану замечание по поводу его французского произношения, не зная, что это его слабое место. Из-за проблем с французским мистер Лэшли рискует потерять ответственный дипломатический пост. Джонатан просит Клэр дать ему несколько уроков, и та соглашается. Постигая язык любви, Джонатан проникается нежным чувством в мисс Велтон. Между ними разгорается страсть, однако на пути влюбленных стоит расчетливая и коварная сердцеедка Сесилия Нотэм и ее могущественный отец, от которого зависит карьера Джонатана…

Бронвин Скотт

Уроки обольщения

Роман

Bronwyn Scott

Unbuttoning the Innocent Miss

A Novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Unbuttoning the Innocent Miss @ 2016 by Nikki Poppen

«Уроки обольщения» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Май 1821 года, Лондон

Все началось с двух слов: «Я беременна». Эта фраза резко выдернула Клэр из размышлений о своей нелегкой судьбе и безжалостно погрузила в пучину реальности. Неужели Беатрис действительно призналась, что беременна? Клэр в полном недоумении взирала на подругу, постепенно начиная осознавать смысл ее слов.

Беатрис беременна. Enceinte[1 - Беременная (фр.).]. У нее будет ребенок.

Ее обескураженный разум переключился на французский. В сложной ситуации все выглядело гораздо лучше, если размышлять и говорить по-французски.

А затем ее бурной волной накрыло настоящее потрясение – беременность подразумевала еще много других событий… Беатрис – одна из ее закадычных подруг детства, с которой они всегда были неразлейвода и от которой у нее никогда не было секретов, эта самая Беатрис завела любовника и не рассказала ей об этом! Не рассказала никому из подруг, о чем свидетельствовали потрясенные лица Эви и Мэй. Побледневшие и взволнованные, они, вероятно, так же как и она, не представляли, что можно сказать в подобной ситуации.

Все это время Беа сидела неподвижно, бледная как смерть, ожидая ответа подруг, в душах которых бушевали эмоции, и терпеливо переводила взгляд с одной на другую. Это было совсем не то, чего Клэр ожидала от прекрасного майского дня. Сегодняшняя встреча в крошечной мансарде лондонского особняка Эви Милхэм должна была стать такой же, как и все их встречи: тайной и полной взаимного сочувствия. Они стали бы жаловаться друг другу на недостаток мужского внимания, а также на недальновидность и ограниченность лондонских кавалеров; съели бы пирог и разошлись по домам, чтобы на следующей неделе встретиться снова и повторить все сначала. Это был утешительный ритуал, которого они придерживались последние три года с момента своего первого выхода в свет, когда их надежды были гораздо оптимистичнее, чем теперь, после безуспешного трехлетнего пребывания на ярмарке невест.

Клэр сделала глубокий вдох. Кто-то должен что-то сказать. Но похоже, даже Мэй со своими всегда готовыми комментариями не могла придумать достойного ответа. Впервые за долгое время Клэр вдруг заметила, как судорожно Беатрис сжала кулачки, так что побелели костяшки пальцев от напряжения в ожидании их вердикта.

Внезапно Клэр все поняла. Беатрис с ужасом ожидала их осуждения, гадая, кто из них первой обрушит на нее свое презрение. Они были не первые, кому она в этом призналась. Беатрис уже сообщила обо всем своей семье и знала, чего ожидать. Она готовилась к худшему. К изгнанию и забвению. И потому все проблемы Клэр меркли перед ужасным положением, в котором оказалась подруга. Она эгоистично погрузилась в собственные заботы, в то время как Беатрис пришлось столкнуться с чем-то гораздо более серьезным.

Беатрис не должна переживать это одна. Она непременно помогла бы ей, если бы знала как. Ей необходимо узнать больше, и при мысли об этом Клэр снова обрела дар речи. Вопросы посыпались один за другим: как, когда и, что важнее всего, кто?

Беатрис судорожно вздохнула и опустила глаза. Эви с молчаливым укором взглянула на Клэр, затем наклонилась и взяла Беатрис за руку:

– Беа, тебе не обязательно нам все рассказывать.

Беа покачала своей темноволосой головой:

– Я все расскажу. Вы имеете право знать. Я стольким вам обязана. И вы примете решение.

Беатрис начала свой рассказ:

– В начале зимы я познакомилась с другом соседа, который приехал к нему погостить. Впрочем, слово «аренда» больше подойдет для описания их взаимоотношений. У него определенно были… причины, по которым он застрял в сельской местности Сассекса вместо того, чтобы проводить время в Лондоне или в другом, более интересном месте. Я не могла не отметить, что он необычайно хорош собой и обладает изысканными манерами, и обратила внимание, какой

горячий прием ему оказывает местное дворянство. Все приняли его без лишних расспросов, в том числе и я.

Беатрис машинально расправила складки юбки и после короткой паузы продолжила:

– Зимой за городом так скучно, а он был таким необычным, загадочным. Никто и никогда так не интересовался мной, как он…

Клэр ощутила вину за свое отсутствие. Их семья проводила праздники в Озерном крае[2 - Озерный край (англ. Lake District) – горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия.], и ее не оказалось рядом, чтобы уберечь Беатрис от необдуманного шага. Так же как и Мэй, чья семья осталась в городе, и Эви, уехавшей погостить к сестре. Беатрис осталась совсем одна.

У Клэр был большой опыт, как и у остальных подруг, когда дело касалось интереса со стороны джентльменов. Она была слишком умна и владела несколькими иностранными языками, в то время как большинство молодых людей их круга едва могли освоить один язык. Эви была слишком осторожна, а Мэй была чересчур остра на язык. Кроме того, Мэй обладала талантом подслушивать чужие разговоры. Она всё и обо всех знала, и это делало ее опасной в глазах мужчин.

– Мы подолгу гуляли вдвоем и говорили обо всем на свете: о жизни, о природе, о последних открытиях Королевской академии наук. И он выслушивал мое мнение…

В голосе Беатрис звучала печаль, а взгляд затуманился от воспоминаний. Это удивило Клэр, которая полагала, что подруга возненавидела вероломного любовника. Очевидно, в душе Беатрис переплелись противоречивые чувства – она хотела бы возненавидеть его, но не могла… Клэр была не в состоянии это понять.

– Его внимание оказалось гораздо более соблазнительным, чем я могла себе вообразить, особенно в сочетании с чутким взглядом темно-серых, словно зимняя буря, глаз. Мне тогда казалось, я очень дорога ему. – На губах Беатрис промелькнула едва заметная улыбка. – А самое ужасное, я действительно была убеждена, что это не иллюзия и я действительно нравлюсь ему. И даже теперь,

когда моя жизнь катится под уклон, я не могу поверить в то, что он ничего ко мне не испытывал. Невозможно так умело подделать искреннюю глубину чувств. Думаю, я уже никогда не узнаю правды. – Беатрис машинально коснулась своего живота.

Клэр заметила ее движение.

– И какой срок, Беа?

– Восемь недель.

Приличный срок. Значит, ошибки быть не могло.

– А отец? Что он собирается делать? – спросила Мэй, добравшись до сути вопроса. – Ты выйдешь за него?

Беа пожала плечами:

– Вопрос исключительно гипотетический. Возможно, я вышла бы за него, будь он здесь, но только в том случае, если бы наш роман не оказался для него игрой.

Сердце Клэр преисполнилось восторгом при мысли об отваге подруги. Даже нося под сердцем ребенка, Беатрис не вышла бы замуж за мужчину, для которого оказалась бы всего лишь игрушкой. Как и всегда, нравственный компас Беатрис отличался точностью и не давал сбоев. Это было ценное качество, которым до недавнего времени Клэр и сама обладала: оставаться самой собой перед лицом трудностей. Однако за последние три года она утратила его, и ирония заключалась в том, что произошло это из-за попыток защитить саму себя. Ей сложно было сказать, когда пошатнулась ее решимость. Возможно, все началось, когда она отвергла предложение Руфуса Шеридана, решив, что такая уникальная личность, как она, достойна мужчины себе под стать. А возможно, все началось после неприятного случая с Сесилией Нотэм. С тех пор все сильно изменилось. Она уже не знала, кто она и на что способна.

Щеки Мэй раскраснелись, ее переполняло негодование.

– Этот негодяй бросил тебя беременной и отказывается выполнять свой долг!

Беатрис покачала головой:

– Он ничего не знает, Мэй. Он уехал до того… до того, как я узнала. Пожалуйста, не презирай его за это. – Она обвела взглядом подруг, вероятно угадав их мысли. – Это была самая прекрасная, самая удивительная неделя в моей жизни. Он дарил мне цветы, он улыбался мне так, что я забывала обо всем на свете. И он не соблазнял меня, я по собственной воле бросилась в этот омут. У нас была целая зима долгих прогулок и неделя запретной любви в заброшенных коттеджах и на теплых сеновалах. Он сказал, что у него неотложное дело и ему необходимо отлучиться на сутки. Но он так и не вернулся…

– У нас есть время. И это хорошо, – ободряюще произнесла Эви, все еще сжимая ладонь Беатрис. К счастью для них всех, Эви всегда и во всем умела находить положительные стороны. – Ребенок появится на Рождество. В этом году в моде пышные платья. Я могу сразу же заняться переделкой туалетов.

Эви отлично умела управляться с иголкой и тканью и поражала своим мастерством. Но ее слова относились к ним всем. Они не оставят подругу в беде. Клэр обвела взглядом девушек. Они улыбались, и в их улыбках светились поддержка и одобрение.

Слезы сверкнули в глазах Беатрис. Она беспомощно смахнула их ладонью.

– Вот еще! Я не собиралась плакать. Всю неделю я только и делаю, что плачу. Спасибо, спасибо вам всем. Я этого не ожидала.

– А чего ты ожидала? – Клэр не могла скрыть обиду в голосе. – Ты думала, что мы бросим тебя в беде? После всего, что нам довелось пройти, ты должна была понять, что вместе мы гораздо сильнее, чем кажемся.

Мэй тоже наклонилась вперед и коснулась руки Беатрис.

– Ты была рядом со мной, когда семья забыла о моем дне рождения. Испекла для меня пирог и стащила целую бутылку бренди из бара отца.

Клэр помнила этот случай. Брат Мэй получил должность в кабинете министров, и ее родители отправились в Лондон, чтобы отпраздновать это событие, оставив

Мэй дома одну в день ее семнадцатилетия.

– Я помню, что мы здорово повеселились в тот вечер. – Беатрис слабо улыбнулась.

– Ты была рядом, когда обе мои сестры выходили замуж, – тихо добавила Эви. – Я была так занята, украшая их платья кружевами и жемчугом, что совсем забыла о собственном платье. Но ты осталась со мной на ночь и помогла закончить мое платье для свадьбы.

– И с того дня мои пальцы больше не желают браться за иголку! – расхохоталась Беатрис.

Клэр накрыла своей ладонью ладони подруг.

– И ты была рядом со мной, когда я отказала Шеридану. И в другие трудные моменты. – Ее голос слегка задрожал. – Беа, ты всегда была рядом с каждой из нас и помогала обрести веру в собственные силы. Мы не можем потерять тебя.

И речь шла не просто о спасенном дне рождения или вовремя сшитом платье. Они поддерживали друг друга, когда остальные забывали об их существовании. Они понимали, как обидно, когда собственные семьи забывают о тебе, пусть даже ненамеренно, и как больно столкнуться лицом к лицу с реальностью, бросившей тень на их будущее. Их отвергли блестящие джентльмены света.

Никто не пытался галантно ухаживать за ними. Эти джентльмены три года подряд смотрели сквозь них на лондонских балах, случайно или же намеренно не замечая их, предпочитая наивных девушек с широко распахнутыми глазами. Свет отворачивался от них, потому что одна была слишком умна, две другие чересчур скромны и незаметны, а четвертая излишне остра на язык.

Мэй первой нарушила воцарившуюся в комнате тишину:

– У Беатрис будет ребенок! Стоит отпраздновать это радостное событие. – Мэй достала из-под стула корзинку. – Здесь сидр и шоколадное печенье.

На лице Клэр засияла радостная улыбка – Мэй точно знала, что им сейчас необходимо. И дело не в шоколаде, хотя сейчас он придется как нельзя кстати. Сейчас им больше всего необходим праздник. И хотя появление этого ребенка несло с собой множество проблем, с самого начала было понятно, что Беатрис полюбит его, нет, она уже любила его всем сердцем!

Мэй подала подругам чашки и достала кувшин с сидром. А затем принялась раздавать угощение, пока на блюде не осталось последнее шоколадное печенье.

– Хм… – Мэй коснулась изящным пальцем подбородка. – Как решить, кому достанется последнее печенье? Как насчет игры в несчастную?

Беатрис расхохоталась и уже потянулась к печенью.

– Ну, это легко. Самая несчастная – это я. Я беременна, а отец ребенка исчез.

– Не подходит. – Мэй, выступавшая в роли судьи, отодвинула от нее тарелку. – Возможно, у него нет отца, но зато есть три тетушки, готовые баловать малыша. Думаю, мне следует взять печенье, потому что родители грозятся в следующем году выдать меня за косого викария Эли, если я за это время не найду себе приличного мужа.

Мэй прижала ладонь ко лбу и вздохнула с преувеличенно трагическим видом. Сложно было представить более неподходящую партию для откровенной и прямой Мэй. Однако Клэр знала, что Мэй не смирится с судьбой. Подруга непременно найдет выход из положения. Как и всегда.

Эви торопливо включилась в разговор, не желая упускать печенье:

– Мэй, у тебя еще целый год впереди. Может произойти все, что угодно. Появится какой-нибудь герцог, и ты тут же схватишь его… – Эви щелкнула пальцами: – Вот так! У тебя есть время, в отличие от меня. Эндрю вернулся домой и объявляет всем, что намерен жениться. Немедленно.

– Но это хорошая новость, – с ласковой улыбкой успокоила Клэр Эви, в свою очередь включаясь в игру. – Он вернулся домой после двухлетнего отсутствия и готов обзавестись семьей.

– Он должен заметить меня. А ведь он долгие годы не обращал на меня внимания. Так почему все должно измениться сейчас? – печально спросила Эви. Подруги знали о ее давней и безответной любви к другу детства. – Не думаю, что я смогу пережить его женитьбу, и мысль о том…

Эви содрогнулась, и Клэр представила, что испытывает подруга. Ее пугала одна мысль о встрече с Эндрю и его невестой на светских раутах в Уэстбери. Единственным спасением для Эви стало бы замужество и переезд. И это было бы не так уж и плохо. Клэр считала, что Эндрю Адей не достоин Эви, которая просто этого не понимала.

– Он только начал искать невесту. Мужчины говорят, что хотят жениться, а затем целую вечность ищут себе пару, – ободряюще заметила Мэй. – Помните виконта Бэннинга? Он целых три года выбирал себе жену. Прости, это печенье не для тебя. У тебя, как и у меня, есть время. – Она искоса взглянула в сторону Клэр.

Клэр замерла. Нет, только не сейчас. Не сегодня. Это ее личная беда. Она не готова поделиться ею с остальными. Она жалела, что рассказала об этом даже Мэй. Клэр многозначительно взглянула на подругу, но Мэй сделала вид, что не поняла ее.

– Расскажи им, дорогая. Ты вполне можешь выиграть печенье.

Беатрис внимательно взглянула на нее:

– Что случилось, Клэр?

Клэр нахмурилась. Она ничего им об этом не скажет, а Мэй достанется от нее на орехи. Сейчас они должны думать о Беатрис.

– Ничего серьезного. – Она мрачно взглянула на Мэй. – У нас сейчас другие заботы. Надо подумать о Беатрис.

– Ну уж нет, – твердо заявила Беатрис. – У нас впереди еще семь месяцев. Кроме того, мне не хотелось бы сейчас концентрироваться на себе. Расскажи нам, Мэй.

Мэй охотно согласилась.

– Это Лэшли. Из министерства иностранных дел до меня дошел потрясающий слух, что ему предстоит занять крупный дипломатический пост в Вене, а Сесилия Нотэм намеревается отправиться с ним в качестве его жены.

Клэр с трудом сдержала стон. Слова «потрясающий слух» означали, что Мэй слышала их от своего брата, Престона, водившего дружбу с дипломатами. О, как бы ей хотелось, чтобы эта информация оказалась ошибочной… Слух о том, что Джонатан Лэшли собирается жениться, даже не взглянув на нее, разбивала ей сердце.

Но Клэр считала, что сама во всем виновата. Что она сделала для того, чтобы привлечь внимание Джонатана? В отличие от Эви, отличавшейся природной застенчивостью, Клэр намеренно предпочла уклоняться от выходов в светское общество после неудачного первого сезона. Этот выбор был вполне осознанным.

– Это была всего лишь глупая мечта. – Клэр пожала плечами, храбро изображая, что ничего серьезного не происходит.

Судя по жалостливым лицам подруг, ей плохо удалось скрыть свои чувства. Они прекрасно знали, что она уже долгие годы была влюблена в неотразимого Джонатана Лэшли. И потому теперь уже не было смысла ничего скрывать. Джонатан нравился ей с тех летних каникул, которые они все вместе провели в Сассексе. Четверо девятилетних девчонок следовали по пятам за старшим братом Мэй и его другом, приезжавшим погостить на каникулы. Джонатан был очень добр к подругам. И она влюбилась в его доброту и отзывчивость. И чувство не остыло и поныне.

– За эти три года Лэшли ни разу на меня не взглянул.

А теперь и подавно не взглянет. Судя по рассказам Престона, он в любой момент мог сделать предложение Сесилии Нотэм.

– Возможно, еще взглянет. Не сдавайся, – твердо произнесла Беатрис. – У тебя есть все шансы, Клэр. Ты красива. Женщины бы многое отдали за такие роскошные каштановые волосы, как у тебя. Ты должна позволить мне сделать тебе прическу, а Эви подберет для тебя пару элегантных платьев.

Клэр покачала головой в ответ на комплимент:

– Да, но они каштановые. Сейчас в моде блондинки, а не брюнетки, и голубые, а не янтарные глаза.

Однако, будучи умной женщиной, Клэр понимала, что дело не только в цвете волос. Она была прагматиком и реалистом до мозга костей. В английском обществе были не только свои идеалы красоты, но и идеалы поведения. Легкомысленная и глуповатая девица была предпочтительнее той, которая общалась с джентльменами на четырех языках. С точки зрения светского общества, знания лишь мешали ей. Ее единственная неудачная попытка завести серьезные отношения лишний раз это доказала. Сэр Руфус Шеридан, баронет, ясно дал ей понять, что не потерпит женский ум и образованность в их браке. Осознание этой истины послужило ей сигналом к отступлению, Клэр стала реже выходить в свет, демонстрировать в обществе свои знания, участвовать в светских беседах. Через некоторое время лондонские джентльмены перестали ею интересоваться. В обществе и без нее было полно миловидных, а главное, более покладистых девиц.

– Зачем Лэшли обращать на меня внимание, когда рядом с ним Сесилия Нотэм?

Клэр было горько признавать поражение, но это была правда. Зачем мужчине смотреть на простой цветок, когда перед ним открывается великолепный сад. Сесилия была обладательницей белокурых локонов, блестящих голубых глаз и фарфоровой кожи. Она воплощала собой идеал красоты для английского джентльмена.

– Потому что ты гораздо лучше, чем она, – ободряюще произнесла Беатрис, однако ее слова ничего не меняли.

Как и они, Сесилия выходила в свет уже три года подряд, но ее шансы выйти замуж были гораздо выше. И судя по всему, в этом сезоне она выйдет замуж, чего нельзя сказать о Клэр и ее подругах.

Клэр часто сожалела о том, что мужчины не видят, какая она на самом деле. Сесилия была ослепительно красива, но под этой красотой скрывалась коварная и расчетливая натура, которой удалось сплотить вокруг себя тесный круг

похожих на нее женщин – привлекательных и вероломных представительниц света, стремившихся заполучить в свои сети лучших джентльменов Лондона. С этим Клэр еще могла бы смириться. Ее совсем не интересовали эти джентльмены, и она могла бы отдать их Сесилии. Но теперь, когда Сесилия обратила внимание на Джонатана, Клэр не могла закрыть на это глаза.

Когда-то она не стала бы сидеть, сложа руки, и вела бы себя решительно и отважно. Но от прежней отваги не осталось и следа. Отчасти в этом был виноваты Сесилия и Руфус Шеридан. И лондонское светское общество в целом. Клэр не знала, в какой момент все изменилось, понимала только, что теперь все уже не так, как прежде.

– Нет. – Беатрис встала и решительно вскинула подбородок.

– Нет? О чем ты? – Клэр боялась даже спрашивать.

– Нет, это означает, что нельзя опускать руки. Возможно, моя жизнь разрушена, но это не значит, что вы все должны смириться с тем, что вам не по вкусу.

Клэр хотела возразить, но Беатрис не дала ей и слова сказать, разразившись торопливой тирадой:

– Нас отвергли, а потом забыли. Мы в этом не виноваты. И все же частично мы сами послужили причиной такого отношения. Мы позволили свету относиться к нам так, будто судьбой нам предначертан брак со старыми викариями и нищими младшими сыновьями баронетов.

– Именно так и обстоят дела. И что мы можем поделать? – осторожно спросила Эви.

– Мы можем направить свои особые таланты себе во благо, а не в ущерб!

Что-то всколыхнулось в душе Клэр. Ей понравились слова – во благо, а не в ущерб. Они прозвучали, как лозунг рабочих во время митинга Питерлоо. Беатрис принялась расхаживать по комнате, и Клэр ощутила, как ей передается волнение подруги.

– Это же очевидно. Почему мы не замечали этого раньше? Мы должны бороться за то, чего хотим. Это простой закон природы. – Сделав круг по комнате, Беатрис махнула рукой в сторону Эви. – Нам необходимо твое мастерство швеи, чтобы создать сногсшибательные туалеты для женщин, которые хотят блистать. Клэр, ты можешь научить нас нескольким французским фразам, чтобы время от времени вставлять их в разговор. Французский снова входит в моду. Мэй, ты поможешь нам раздобыть необходимые сведения об интересных мужчинах: где и когда они собираются, что они собой представляют. Можешь начать с Лэшли.

Клэр словно окатили ледяной водой.

– Почему с Лэшли?

Беатрис положила ей руку на плечо:

– Время играет важную роль. Ты будешь первой.

– Я? – Клэр поперхнулась сидром. Беатрис утешительно улыбнулась ей, но ни капельки не смягчилась.

– Да, ты, – строго сказала она. – И пришла пора забыть об этом идиоте Шеридане. Его мнение о твоей персоне слишком долго вселяло в тебя неуверенность. И о шалости Сесилии с платьем тоже пора забыть. Не думаю, что Лэшли обратил на это внимание. Это было сто лет назад.

Клэр застонала:

– Это как раз и подтверждает мою точку зрения. Он меня совсем не замечает…

– Отныне все изменится, – возразила Беатрис. – Хватит. Мы слишком долго были послушными. Пришло время взять ситуацию в свои руки. Стать хозяйкой положения. Лишь забеременев, я осознала, что не желаю мириться с жизнью, которую навязывает мне общество. Каждая из нас может получить ту жизнь, о которой мечтает, но только если мы будем бороться и поддерживать друг друга. – Она пристально взглянула на Клэр: – Все начинается с тебя, Клэр. Мы не позволим Сесилии Нотэм заполучить Лэшли. Мы не сдадимся без боя. Она слишком долго получала то, что хотела, и не всегда это происходило честным

путем. – Беатрис подняла чашку с сидром, обращаясь к подругам: – Таким образом, я объявляю о создании «Клуба отверженных девиц», в котором путем энергичного самосовершенствования, отваги и заботы друг о друге мы изменим обстоятельства нашей жизни и станем жить по своим правилам, а не по правилам общества!

Глава 2

Отныне все изменится.

Три дня спустя слова Беатрис все еще звучали в ее голове. Они должны перестать принимать то, что им не нравится, и бороться за лучшее будущее. Клэр была согласна с этой концепцией, но пока лишь в теории. Речь Беатрис была пламенной и вдохновляющей, как призыв Генриха V: «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом!» Но почему именно она должна быть первой?

Клэр в очередной раз расправила складки шелкового платья, сшитого для нее Эви, и двинулась вверх по лестнице особняка Бортов следом за своими родителями. Они были приглашены на ужин в дом родителей Мэй.

Подругам следовало выбрать ту, которая точно добилась бы успеха. А попытки добиться невозможного могли лишь навредить. Она хорошо это знала. Когда-то Клэр уже попыталась, и эксперимент с треском провалился. Джонатан не замечал ее все эти три года. И с чего вдруг он должен заметить ее сейчас? Или другие мужчины? Три года она пыталась остаться незамеченной, стараясь не напоминать людям, что она та самая девушка, которая появилась на самом грандиозном бале сезоне в таком же платье, как у Сесилии Нотэм.

В огромном холле особняка Бортов, поражавшем своим высоким потолком, белоснежными мраморными полами и античными статуями в просторных арках, Клэр ощутила, как нарастает волнение. Конечно, легко было болтать с подругами об изменениях в жизни, но на деле все оказалось гораздо сложнее. Она немного приободрилась, вспомнив, что Мэй тоже будет здесь сегодня вечером, помогая своей матери развлекать гостей, но, подумав о том, что Джонатан Лэшли и его родители, а также семья Сесилии Нотэм тоже окажутся среди приглашенных, она испытала новый прилив неуверенности.

Конечно, здесь будут и другие представители высшего общества, многие из которых превосходят Велтонов по социальному положению. Ее отец – виконт, обладатель старинного титула, был скромным и тихим человеком. Он принадлежал к тому типу гостей, на которых всегда можно было рассчитывать в случае нехватки приглашенных. Поэтому чету Велтон постоянно приглашали в лучшие дома Лондона. И сегодня выдался как раз такой случай. Ворты привыкли приглашать на ужин не меньше двадцати гостей, и конечно же возникла необходимость в Велтонах.

Дворецкий проводил их в гостиную, и Мэй тут же подскочила к подруге, взяв ее под руку.

– Ты великолепна, – прошептала подруга, которая сама выглядела ослепительно в темно-синем шелковом платье.

– Ты так думаешь?

Клэр застенчиво попыталась подтянуть вверх низкий лиф лазурного платья, обрамленный шелковой лентой шоколадного цвета. Мэй хлопнула ее по руке.

– Даже не сомневайся!

Клэр признавала, что на этот раз Эви превзошла саму себя. Она перешила ее скромное голубое платье, сделав его более современным и соблазнительным. Шоколадная шелковая лента, украсившая подол и лиф платья, выгодно оттеняла каштановые локоны Клэр и подчеркивала янтарный цвет ее глаз.

Платье действительно выглядело шикарно. Клэр с трудом узнала его, когда Эви закончила работу. Однако проблема заключалась в том, что Клэр не привыкла к подобным нарядам. Она не привыкла, чтобы на нее смотрели с таким интересом.

Конечно, подруги рассчитывали на этот преувеличенный интерес. Больше никаких нарядов под цвет занавесок и обоев. Новый внешний вид означал и новые ощущения. И Клэр действительно чувствовала себя иначе в этом платье, но еще не привыкла к своему новому образу. Возможно, она ощущала себя слишком необычно. Платье могло изменить ее внешний облик, но не могло повлиять на ее внутреннее состояние, не так ли?

Клэр храбро обвела взглядом комнату и заметила Джонатана. Высокий темноволосый мужчина стоял у камина в другом конце комнаты. Он улыбался, чувствуя себя абсолютно уверенно. Джонатан всегда казался мужчиной, у ног которого лежит целый мир. Ничего удивительного, что его назначили на ответственный дипломатический пост. Лэшли был умен, обаятелен, хорошо образован. Какими только талантами он не обладал: Джонатан отлично пел, был остроумен, увлекался боксом, верховой ездой и стрельбой. Он был идеален.

Он беседовал со своим отцом и лордом Белвуром, отцом Сесилии. Сесилия Нотэм стояла рядом с ним в очаровательном платье из розового шелка, ее ладонь небрежно касалась его руки. Всем своим видом она подчеркивала, что этот мужчина принадлежит только ей. Сесилия заметила Клэр, и ее серо-голубые глаза впились в платье девушки.

В памяти Клэр тут же всплыли обидные слова соперницы: «Мне это платье идет больше. Гораздо больше, чем тебе. Тебе не следует носить мой цвет». С тех пор Клэр никогда не появлялась в розовых платьях.

Лазурное платье, усовершенствованное Эви, ни капельки не напоминало розовый наряд, в котором Сесилия появилась сегодня вечером. И все же Клэр ощутила, как ее уверенность слегка померкла.

– У меня такое ощущение, словно я оказалась в клетке со львами, – прошептала она Мэй.

– Тогда смелее, – сказала в ответ Мэй. – Выше голову, и смотри им прямо в глаза. Пусть все поймут, что ты новая королева сезона.

Клэр изо всех сил старалась сохранять самообладание, когда они принялись обходить комнату, останавливаясь поболтать с гостями. Мэй наклонилась к ней и вполголоса произнесла:

– Сесилия не единственная, кто обратил на тебя внимание. Даже Лэшли пару раз посмотрел в твою сторону. Очень сдержанно, конечно.

Сдержанно. Именно так Джонатан всегда себя и вел. Клэр осмелела и незаметно взглянула в его сторону, не в силах скрыть легкое возбуждение, охватившее ее

после слов Мэй. Джонатан все и всегда делал со вкусом, от манеры одеваться до умения вести разговор. Когда он разговаривал с кем-то, у его собеседника возникало ощущение, что его слушают с искренним вниманием. Во время приветствий, которыми они обменивались последние несколько лет, Джонатан всегда находил время задать вопрос и выслушать ответ. Клэр хорошо понимала, что привлекло Беатрис в ее любовнике. Умение слушать было невероятно ценным качеством. Оно вселяло уверенность и дарило чувство собственной значимости.

Они с Мэй как раз отошли от одной группы и направились к другим гостям, как вдруг Клэр ощутила, что Джонатан смотрит на нее. Она подняла глаза, и на краткое мгновение их взгляды встретились. Легкая улыбка промелькнула на его губах, и в этот момент ей показалось, что эта улыбка предназначена только ей одной. Сердце Клэр забилось с удвоенной силой, и она отвела взгляд.

Это была глупая и неуместная реакция. Ей хотелось понравиться ему, как нравилась Сесилия Нотэм. Она хотела коснуться его руки своей ладонью и смотреть в его красивое, мужественное лицо, в его глубокие синие глаза.

– Пойдем. – Мэй потянула ее за руку. – Пойдем поговорим с ними. Мы еще к ним не подходили, и у меня есть новость.

Клэр замерла. Прежняя Клэр мгновенно возобладала над новой Клэр с ее роскошным платьем и изысканной прической. Поговорить с Джонатаном прямо сейчас?

– Нет. Я не могу. Что я ему скажу?

Она еще не готова. Они ведь только пришли.

– А как насчет того, чтобы пожелать доброго вечера? Он улыбнулся тебе. Включись в игру.

– Нет, – заупрямилась Клэр. – Еще рано. Давай сделаем это после ужина. – К тому времени она привыкнет к своему новому облику и сможет придумать, о чем говорить с Джонатаном.

Мэй улыбнулась в ответ, и на ее щеке появилась милая ямочка. И это обеспокоило Клэр. Мэй никогда не признавала поражение с такой легкостью. У Клэр возникло смутное ощущение, что ее перехитрили.

В следующий момент она поняла, что интуиция ее не подвела. Едва она опустилась на свой стул, как услышала знакомый голос:

– Мисс Велтон, для меня огромное удовольствие видеть вас сегодня вечером.

Клэр подняла голову и встретилась взглядом с синими глазами Джонатана.

– И для меня это великое удовольствие. – Эти слова слетели с ее губ прежде, чем она успела опомниться. Она была так потрясена тем, что он сидит напротив, что совсем забыла о сдержанности. Ее сердце замирало при мысли, что весь ужин она сможет любоваться этим удивительным мужчиной.

Джонатан широко улыбнулся, услышав ее нелепое замечание. Разве истинной леди могли прийти в голову такие слова? Они были слишком дерзкими для ужина в благородном обществе, но этой дерзостью Клэр была обязана новому платью с его смелым декольте. Она торопливо отвела взгляд, расправляя салфетку и пытаясь справиться с волнением. Но у нее ничего не вышло. Напротив, ее чувства обострились до предела. Она с болезненной отчетливостью впитывала в себя каждую черточку его лица, упрямую линию его подбородка, плавный изгиб его чувственных губ, на которых играла легкая улыбка. Мысль о его губах была особенно неуместна во время ужина в приличном обществе.

Клэр попыталась переключиться на менее опасные мысли, вспомнив о мести, и многозначительно взглянула на Мэй через стол. Ее дерзкая подруга специально посадила их с Джонатаном друг напротив друга. Она пнула Мэй ногой под столом, давая понять, что разгадала ее хитрый план. Но теперь Клэр уже ничего не могла поделать – ей оставалось лишь ждать подходящего момента, чтобы подать себя в самом лучшем свете.

Пока на стол подавали угощения, Клэр с интересом наблюдала за своим визави. Ее внимание привлек непослушный завиток волос, упрямо выбивавшийся из аккуратной прически Джонатана. Она так увлеченно его разглядывала, что не расслышала слов своего соседа по столу.

Ее внимание было поглощено лишь одним человеком, и потому было неудивительно, что ее слух внезапно резануло искаженное слово bonjour[3 - Здравствуйте (фр.).], произнесенное неотразимым мужчиной, сидевшим напротив нее. Клэр машинально ответила, вспомнив долгие годы, посвященные изучению французского:

– Вы хотели сказать «бонжу». Французы не произносят четко звук «р» в слове bonjour.

Джон вперил в нее свой синий взгляд, на его красивых губах промелькнула вежливая улыбка. Казалось, его нисколько не обидело ее замечание.

Клэр в ужасе умолкла. Ей хотелось превратиться в бланманже и незаметно раствориться под столом. И она бы так и поступила, если бы Мэй не пнула ее под столом, и этот довольно болезненный пинок стал напоминанием о том, что она больше не станет прятаться от мира. Сегодня она представляла их всех. И должна проявить отвагу. Но, всемогущие Небеса, как же трудно ей было держать себя в руках после того, как она только что поправила Джонатана Лэшли, будущего дипломата. За столом в присутствии восемнадцати других гостей. Очевидно, это был единственный способ привлечь его внимание, хотя, возможно, не самый лучший. О боже, люди уже смотрели на нее.

– Бонжу, – послушно произнес Джонатан, спокойно признавая свою ошибку. Самый быстрый способ избавиться от назойливого внимания окружающих заключался в том, чтобы убедить их, что здесь нет ничего интересного. – Я всегда рад возможности улучшить свой французский. – Но зачем она это сделала? И почему именно за столом, при всех? Он не сводил пристального взгляда с женщины, сидевшей перед ним.

Мисс Велтон завладела его вниманием с того момента, как он увидел ее платье. Именно это роскошное платье поначалу привлекло его внимание, но теперь он заметил и ее. И это было очень странно. До сегодняшнего дня она казалась абсолютно незаметной. Конечно, он хорошо ее знал. Она дружила с сестрой Престона, и ее родители были соседями Бортов в Сассексе. Она выходила в свет в течение нескольких сезонов, и время от времени их пути пересекались на шумных светских раутах в Лондоне. Его всегда поражало ее стремление оставаться незаметной. И он и не замечал ее. До сегодняшнего вечера.

Сегодня мисс Велтон казалась совершенно другой. Она вела себя с большим достоинством, но произвела несомненный фурор, появившись в этом голубом платье. Он не сомневался, что дамы наверняка нашли бы для этого оттенка другое, более интересное описание, чем просто голубой цвет. Но для него этот цвет был голубым, цветом летнего английского неба, и на ней он смотрелся сногсшибательно. Определенно женщина, желавшая остаться незаметной, не появилась бы в таком платье. Вероятно, мисс Велтон таким образом хотела объявить, что в этом сезоне начинает серьезную охоту на мужа или, возможно, у нее уже появился кандидат.

Чего не следовало делать женщине, так это поправлять мужчину за ужином в присутствии других, и все же мисс Велтон это сделала, чем привлекла к себе внимание гостей. С одной стороны, ему хотелось аплодировать ее смелости. Мисс Велтон определенно делала стремительные шаги вперед навстречу своей цели. Он лишь сожалел о том, что она сделала это замечание по поводу его французского. Но ее не в чем было винить. Она и понятия не имела, что это его слабое место. Французы не произносят все буквы в словах, но его это не останавливало, и Джонатан продолжал говорить неправильно. А он терпеть не мог делать что-то неправильно.

Сесилия, сидевшая рядом с ним, оказалась не столь снисходительной. На ее губах промелькнула ледяная улыбка. Она слегка наклонилась к нему, словно собираясь сказать ему что-то личное, однако это была всего лишь уловка. Она хотела, чтобы все присутствующие услышали ее слова.

– А я и не предполагала, что с нами за столом сидит франкофил, Лэшли.

Джонатан застыл, все его чувства мгновенно обострились до предела. Все взгляды снова обратились на них. Это замечание не отличалось дружелюбностью. Он не желал, чтобы Сесилия защищала его, и не видел необходимости в нападении на мисс Велтон. Назвав Клэр франкофилом, Сесилия тем самым попыталась обидеть ее, и мисс Велтон это понимала. Все за столом это понимали. Гости, сидевшие рядом, перестали есть и с любопытством ждали продолжения. Война уже семь лет как закончилась, но симпатии ко всему французскому до сих пор не приветствовались в обществе.

Джонатан пристально смотрел на Клэр, словно пытаясь поделиться с ней своей выдержкой и ободрить ее своим взглядом. Он видел, как отчаянно ей хотелось обратиться в бегство, когда она судорожно стиснула ножку бокала.

«Только не смейте извиняться, мисс Велтон. Я сделал ошибку, и вы исправили меня. Мы не сделали ничего плохого!» – захотелось воскликнуть ему. Но Джонатан промолчал.

К его неописуемому восторгу, мисс Велтон распрямила плечи и спокойно встретилась взглядом с Сесилией.

– На континенте французский считается языком дипломатии, мисс Нотэм. И совсем не обязательно быть франкофилом, чтобы понимать, как важно правильно говорить на этом языке. – Она ослепительно улыбнулась, давая понять, что гордится своими знаниями и не чувствует себя неловко.

Джонатан был готов аплодировать ее выдержке.

– Вам повезло так хорошо выучить французский.

Он улыбнулся, выражая ей поддержку и чувствуя недовольство, исходившее от Сесилии. Она прекрасно понимала, что его поддержка мисс Велтон была едва заметным и все же определенным неодобрением ее поведения. И Сесилии это пришлось не по вкусу.

Сидевшая рядом с ним Мэй Ворт оказалась настроена более любезно и охотно присоединилась к разговору:

– Мисс Велтон отлично говорит по-французски и знает еще три языка.

Джонатан вскинул бровь, искренне пораженный образованностью мисс Велтон. Он изо всех сил старался не смотреть пристально в ее янтарные глаза, а тем более в низкий вырез ее платья. По какой-то странной причине он казался ему невероятно соблазнительным.

– Это правда, мисс Велтон? Я и не догадывался, что вы так образованны.

Он завидовал ее знаниям. Все гости, собравшиеся за этим столом, несказанно бы удивились, узнав, как он хотел бы оказаться на ее месте. Это решило бы многие его проблемы. Именно проблемы с французским не давали ему возможности получить пост дипломата в Вене. А для него это было по многим причинам

желанное назначение. Но французский упорно не давался ему с того времени, как он вернулся из Ватерлоо. Несмотря на занятия с репетиторами и способность отлично писать и читать на этом языке, он так и не научился на нем говорить.

Вздохнув, Джонатан взглянул на Сесилию. Она все еще сердилась. Острая на язык и весьма хорошенькая, Сесилия будет для него идеальной невестой. Ее красота и ум станут олицетворением безупречной англичанки, когда они окажутся за границей. Он собирался сделать ей предложение в конце сезона, этот шаг был необходим для того, чтобы официально заполучить пост в Вене. Он сделает это, чего бы ему это ни стоило, а также непременно освоит устный французский. Осталось преодолеть всего лишь два препятствия, сказал он себе. По крайней мере, он должен сделать это в память о брате. Своими будущими действиями он добьется мира, и больше никому не придется умирать.

Джонатан в последний раз взглянул на мисс Велтон. Какие еще языки она знает и зачем они ей? Сесилия нетерпеливо потянула его за руку, привлекая к себе внимание, но прежде, чем он отвернулся, мисс Велтон тихо произнесла одно слово: «Merci». И этого оказалось достаточно, чтобы еще сильнее распалить его любопытство.

Глава 3

Рассказывай! Что у тебя за новость? – Клэр буквально сгорала от любопытства, когда они вместе с Мэй отправились на бал в доме Стэмфордов в экипаже Бортов. Клэр не могла дождаться, когда Мэй сообщит ей свою новость, не сомневаясь, что она связана с Джонатаном.

Глаза Мэй таинственно сверкнули.

– Французский репетитор Лэшли больше не дает ему уроки. Никто не знает почему, но это и не важно. Теперь важно лишь то, что репетитор ушел и Лэшли больше некому учить.

Клэр разочарованно поморщилась. Она надеялась, что новость окажется гораздо серьезнее.

– Разве он не вырос из того возраста, когда нанимают репетиторов? – Клэр нахмурилась, пытаясь понять, в чем скрывается подвох. Вспомнила свое неуместное замечание за ужином, с удивлением отметила, что французский Джонатана оказался далек от совершенства. Кем бы ни был его репетитор, даже если он прибыл из самого Парижа, этот человек явно не принес Лэшли никакой пользы.

Мэй откинулась на кожаную спинку сиденья, на ее лице промелькнуло дерзкое самодовольство.

– Не сомневайся, подруга, сегодня вечером я не теряла времени даром и кое-что разузнала. Джонатан, хоть убей, не может говорить по-французски! Престон сказал, что Лэшли поставили ультиматум – научиться прилично изъясняться по-французски к августу или же он не получит назначение.

– И что я могу с этим поделать? – спросила Клэр, все еще пытаясь принять тот факт, что у Джонатана Лэшли есть изъян, слабое место в его богатом арсенале достоинств, и она случайно ударила его в это самое больное место. Исправив его ошибку, она тем самым подчеркнула свою невоспитанность. Это было даже хуже, чем указать человеку на пятно на его рубашке. Теперь он наверняка презирает ее. И все же он не попытался задеть ее, уколоть злорадным замечанием, когда ему представился такой шанс благодаря Сесилии. Вместо этого он поддержал ее словами и взглядом. В какой-то момент у нее появилось ощущение, что Джонатан хотел сказать ей нечто большее, спросить о чем-то еще. Неужели ей это только показалось? Клэр печально вздохнула. Ей хотелось хотя бы на мгновение поверить в то, что она заинтересовала Джонатана Лэшли…

Мэй нетерпеливо щелкнула пальцами, и Клэр очнулась от раздумий. Судя по всему, она слишком глубоко задумалась, забыв о подруге.

– Мне еще раз тебе объяснить? Действуй, Клэр! Приди ему на помощь в трудный час. Научи его французскому. Помоги ему заполучить эту должность. – В ее глазах заплясали озорные огоньки. – Кто знает, возможно, он будет тебе безгранично благодарен.

Она могла бы это сделать. По крайней мере, у девушки в лазурном платье это точно получилось бы. Клэр распрямила спину, и в ее мыслях стала постепенно складываться картина возможного будущего. Она вдруг осознала гениальность идеи Мэй. Им придется много времени проводить за занятиями, и эта мысль воодушевила Клэр. Ведь не зря французский называют языком любви.

Клэр задумчиво закусила губу:

– Но здесь есть одна проблема. Как я смогу заставить его прийти ко мне? Нет никаких гарантий, что он станет меня искать. – Или что из нее получится хороший репетитор, однако эти слова она предпочла не произносить вслух. Ее охватили сомнения. Как она может преуспеть там, где потерпел неудачу репетитор из Парижа?

Однако Мэй была неумолима:

– Возможно, нам и не придется что-то делать. Ты видела, как он взглянул на тебя, когда я упомянула, что ты говоришь на четырех языках? Он словно по-новому тебя увидел. У него мало времени. Ему необходимо как можно скорее найти репетитора. Он в отчаянии, Клэр.

В отчаянии? Клэр вздрогнула. Это, конечно, не лучшая рекомендация. Она предпочла бы, чтобы он пришел к ней из уважения к ее знаниям, а не от отчаяния. Но она тоже испытывала отчаяние и, как никто другой, понимала его чувства.

– Боюсь, ему будет неловко обратиться ко мне с такой просьбой…

Мэй перебила ее, явно начиная терять терпение:

– Тогда отправь ему письмо сама! Напиши, что слышала о его ситуации и будешь рада помочь. Уверена, он не предаст твое письмо огласке. Он и так чувствует себя неловко. И пока он не получил это вожделенное назначение, ему меньше всего нужен скандал. В лучшем случае он примет твое предложение, в худшем – вежливо откажется. В любом случае тебе ничто не угрожает.

Экипаж резко остановился около особняка Стэмфордов. Клэр пришло в голову, что Джонатан окажется в выигрыше, если примет ее приглашение. Если же нет, то слишком многое потеряет. Однако ей совершенно не хотелось, чтобы их с Джонатаном Лэшли объединяло лишь отчаяние.

– Джонатан, я в отчаянии, и это еще мягко сказано. В последний раз, когда ты говорил по-французски на торжественном приеме, ты едва не разжег войну! – Сэр Оуэн Дэнверс, глава английского дипломатического корпуса в Центральной Европе, сидя за столом в кабинете Уайтхолла, раздраженно взглянул на Джонатана.

– Я всего лишь неправильно произнес одно слово…

Он уже устал это обсуждать, устал об этом думать. Все это слишком сильно напоминало ему о том, что ситуация изменилась в худшую сторону.

– И едва не разжег войну! – сердито повторил Дэнверс. – Похоже, ты просто не учел серьезность положения. – Он понизил голос. – Ты нужен мне в Вене, ты мой человек, но в тот день ты умудрился оскорбить французского посла, явившегося с визитом.

Из-за неправильно произнесенного слова случился казус. Спорным словом оказалось слово beaucoup, что означало «много». Однако Джонатан произнес его, как beau cul. Будто бы он отметил, что у этого самого посла отличная задница. На самом деле это недоразумение просто раздули до невероятных размеров. И конечно, никакой войны не случилось, а потому глупо постоянно возвращаться к тому, чего не произошло.

Джонатан провел рукой по волосам и глубоко вздохнул. Он предпочитал думать о том, что возможная война была предотвращена, а не развязана. Он был неисправимым оптимистом. А Дэнверс, судя по всему, нет. Но как ни старался Джонатан смягчить этот инцидент и посмеяться над ним, он не мог отмахнуться от неприятной мысли, что многое могло бы быть иначе, не соверши он подобную ошибку семь лет назад.

– Вы должны меня понять, – продолжил Дэнверс. – Вы умны и проницательны в том, что касается нюансов, связанных с Османской империей и Австро-Венгрией.

Вы мгновенно находите точки соприкосновения и точно определяете соотношение сил. Вы с легкостью читаете по-французски, потому идеально переводите документы и читаете переписку. И при необходимости вполне сносно изъясняетесь на бумаге, так что это меня не беспокоит. Но, черт возьми, вы не в состоянии нормально говорить. А ведь когда-то изъяснялись вполне бегло.

В этом и заключалась загвоздка. Он неплохо говорил по-французски до того несчастного случая, когда исчез его брат Томас. С того момента его разум немного помутился. Джонатан встал и подошел к высокому окну, из которого открывался вид на Темзу.

Его беспокоило, какое решение примет Оуэн Дэнверс. Он мог выгнать его или же дать еще один шанс. Назначение в Вену зависело исключительно от рекомендаций Дэнверса. Джонатан налил себе бренди из хрустального графина, стоявшего на столике около окна.

– Вы знаете, что для меня значит этот пост, Оуэн, – спокойно произнес Джонатан и, не торопясь, отпил глоток бренди.

Этот пост означал слишком многое. Он мог бы восстановить мир и тем самым отдать дань памяти брата, мог бы сделать так, чтобы жертва брата в Ватерлоо обрела смысл. Джонатан мог бы доказать миру, что он не просто наследник виконта, что он не просто человек, которому повезло родиться в состоятельной семье раньше своего брата и унаследовать титул и богатство.

– Черт подери, я знаю, Джонатан, я давно отослал бы тебя, если бы не знал, как усердно ты трудился и как отчаянно ты желаешь получить этот пост. – Оуэн Дэнверс смягчился и печально вздохнул. Он был всего на два года старше Джонатана, но уже добился того, чего хотел Джонатан.

Слово «хотел» не совсем подходило в данной ситуации. Он желал этого с такой неистовой страстью, что готов был подчинить этой цели всю свою жизнь, даже жениться. Отец Сесилии Нотэм, лорд Белвур, обладал огромной властью в парламенте. Белвур ясно дал понять ему, что поддержит его кандидатуру на этот пост, если Джонатан женится на его дочери. И подчеркнул, что, если Джонатан откажется жениться на Сесилии, он полностью лишит его поддержки. Сесилия всегда получала то, что хотела. А она еще в прошлом сезоне решила

стать будущей леди Окдейл. С тех пор она мертвой хваткой вцепилась в Джонатана и не выпускала его. Ему все равно когда-нибудь пришлось бы жениться. Это была вполне достойная партия, однако Джонатан сильно сомневался, что этот брак мог перерасти в нечто большее, чем в обычный брак по расчету.

Оуэн положил руку ему на плечо и тихо заговорил:

– Нам всем его не хватает. Томас был отважным человеком. Он погиб, служа своей стране, честно и благородно. Прошло много времени, но иногда мне кажется, что я слышу его смех. Недавно я обернулся в клубе, ожидая увидеть его, но понял, что ошибся.

– Я знаю. Со мной тоже такое бывает. – Джонатан умолк, чтобы собраться с силами. – Ты правда думаешь, что он погиб? – тихо спросил он. Эту мысль он произносил вслух только в присутствии особенно близких людей. Прошло слишком много времени, и все знакомые считали абсурдными его попытки ухватиться за нелепую надежду. Но тело брата так и не нашли. Томас просто исчез.

– Прошло слишком много времени, Джонатан, – с горечью произнес Оуэн.

– Он ведь был так молод. – Джонатан вздохнул, не в силах скрывать свои чувства. – Ему едва исполнилось двадцать.

– Он оказал нам честь своей жизнью. – Оуэн откашлялся. – И мы окажем ему честь в ответ. Джонатан, ты нужен мне в Вене. Что для этого нужно сделать? – Оуэн помолчал, чтобы немного успокоиться. – Есть хоть какой-то прогресс? – спросил он осторожно.

– Мне необходимо время… Мне необходимо найти другого репетитора и продолжить занятия.

В памяти Джонатана возникли проницательные карие глаза, и он услышал вежливый голос: «В слове bonjour r в окончании не произносится». Возможно, его проблему нельзя решить путем упорных занятий. И все же он должен попытаться. Ради Томаса.

– Мы должны назначить человека на этот пост до окончания сезона, Джонатан. Эллиот Уайзфилд сгорает от нетерпения, и, если у тебя ничего не выйдет, нам придется назначить на пост в Вену лорда Вэйборна уже к Новому году. У меня там неплохие специалисты – виконт Сен-Джаст, Мэтесон и Трусдэйл, однако ситуация в Центральной Европе сейчас крайне напряженная.

Джонатан поморщился при упоминании имени Уайзфилда. Они соперничали с ним еще в школе и вот теперь претендуют на один и тот же дипломатический пост. Уайзфилд был умен, обладал энциклопедическими знаниями, но был абсолютно лишен проницательности и дипломатической хватки. Однако Джонатан не стал возражать и пытаться очернить соперника – это было бы проявлением слабости. В такой ситуации следует держаться спокойно и уверенно.

Джонатан отвернулся от окна, на его губах играла уверенная улыбка.

– До конца сезона я все улажу. Спасибо, Оуэн. Оуэн поднялся из-за стола.

– Позволь мне еще раз напомнить тебе: я хочу, чтобы именно ты был там, Джонатан. Фанариоты поднимают голову, греки претендуют на независимость. Следующие несколько лет нас ждут серьезные перемены. Венский договор пройдет испытание на прочность. И окажется ли он прочным, зависит от того, какие люди будут стоять за ним.

– Я сделаю все, чтобы оправдать твое доверие. Непременно. – У Джонатана имелись некоторые соображения по поводу решения самых острых вопросов. Но ни одно из них не удастся реализовать, если Джонатан не получит назначение.

– Ты уже нашел нового репетитора? – поинтересовался Дэнверс.

– Да, – с напускной уверенностью откликнулся Джонатан.

Он снова подумал о янтарных глазах и чудесном лазурном платье, соблазнительно приоткрывавшем великолепную грудь. Это какое-то безумие. Они едва знакомы, но Джонатан совершенно неожиданно для себя решил вверить свое будущее в ее руки, в руки мисс Велтон, дочери виконта Стэнхоупа. Как там ее зовут? Кэтрин, Кларинда, Кларисс, Клара?.. Джонатан никак не мог вспомнить ее имя. Клэр. Точно. Но станет ли она этим заниматься? Сможет ли?

Настолько ли хорош ее французский? Он не в том положении, чтобы тратить время на бездарность. Ему необходима безупречность, и как можно скорее, и… продуманный план действий.

Сгорая от нетерпения, Джонатан отправился в цветочную лавку, не переставая повторять про себя, что делает это исключительно от отчаяния. Он слишком многого хотел от женщины, чье имя едва сумел вспомнить.

– Мистер Джонатан Лэшли желает видеть мисс Велтон.

Услышав слова дворецкого, Клэр задрожала от волнения. Сколько раз она представляла себе эти слова? Сколько раз мечтала об этом моменте? Похоже, план Мэй все-таки сработал!

– Пригласи его сюда, Марсден, – резко ответила ее мать и строго вскинула бровь. – Очень любопытно.

Однако Клэр прекрасно понимала, почему Джонатан здесь. Он так подгадал свой визит, чтобы избежать встречи с другими возможными посетителями. Время для дневных визитов подошло к концу, гостиная в доме Стэнхоупов опустела. Вряд ли кто-то мог заметить его приезд. Неужели он так смущался, что его увидят у нее в гостях? Эта мысль неприятно обожгла Клэр.

Она и ее мать поднялись ему навстречу, когда Джонатан вошел в гостиную и поклонился.

– Добрый день, леди Стэнхоуп, мисс Велтон. Надеюсь, я не слишком поздно? – Он преподнес Клэр букет цветов – нежных подснежников и темно-желтых роз.

– Благодарю вас, они прекрасны. – Клэр взяла букет, растроганная его вниманием. – Выпьете с нами чаю?

– Я пришел к вам с просьбой, – начал Джонатан, принимая чашку из рук леди Стэнхоуп.

Клэр внимательно смотрела на него. Если бы она не знала его, то могла бы подумать, что Джонатан Лэшли волнуется, – он так сильно сжимал ручку чайной чашки из бабушкиного сервиза, что Клэр опасалась, что та раскрошится у него в руках.

– Я ищу репетитора, чтобы усовершенствовать свой разговорный французский, – продолжил гость. – Прошлым вечером вы упоминали о своих успехах в французском, мисс Велтон. – Он перевел взгляд на ее мать: – Если вы согласитесь, мне бы очень хотелось попросить вашу дочь давать мне уроки в течение сезона.

Стоило Джонатану произнести эти слова, как чашка в его руках треснула, заливая чаем его брюки.

– О! Как горячо! – Он вскочил, оглядываясь в поисках салфетки, но Клэр опередила его.

– О, мне так жаль! Позвольте, я помогу! – Она принялась судорожно вытирать его брюки, желая как можно скорее избавить его от неприятных ощущений. – Вы в порядке? Вы не обожглись? – Продолжая промокать ткань его брюк, Клэр прижала салфетку чуть ближе к его бедру.

Джонатан накрыл ее руку своей ладонью, голос его прозвучал слегка натянуто:

– Я в полном порядке, просто немного вымок. Благодарю вас, мисс Велтон, за вашу, гм… своевременную помощь. Дальше я могу и сам о себе позаботиться.

Клэр откинулась на спинку стула, глядя, как он вытирает брюки, и чувствовала, как в душе закипает стыд. Ее щеки раскраснелись и были горячи, как чай из его чашки. Если бы вода пролилась на пару дюймов правее, о… милостивый Боже! И она так нескромно прикасалась к будущему виконту Окдейлу на глазах у собственной матери.

– Тысяча извинений, леди Стэнхоуп, надеюсь, это не фамильная ценность.

– Не стоит беспокоиться, мистер Лэшли. – Ее мать ласково улыбнулась смущенному гостю. – Я рада, что вы не пострадали.

Когда Джонатан, не теряя достоинства, вышел из комнаты, Клэр прижала ладони к пылающим щекам. Сможет ли она когда-нибудь посмотреть ему в глаза? Но ведь ей придется, не так ли? Внезапно она вспомнила, что не ответила на его предложение.

Клэр бросилась к двери, не задумываясь о том, что леди не пристало бежать вдогонку за мужчиной.

– Мистер Лэшли! – крикнула она, когда он уже подошел к двери.

Джонатан обернулся:

– Мисс Велтон?

– Я так и не ответила на ваше предложение. – Она мысленно вздрогнула – фраза вышла несколько двусмысленной. – Для меня большая честь помочь вам улучшить ваш французский.

На его лице засияла искренняя улыбка.

– Как насчет одиннадцати утра?

Клэр окатила волна изумления. Он согласен! План Беатрис и Мэй начинал работать!

Джонатан вопросительно вскинул брови, словно чего-то ожидая.

О да. Ее ответа. Он ждал, что она скажет. Какая же она бестолковая!

– В одиннадцать? Идеально! – Клэр убрала за ухо непослушный локон, стараясь говорить серьезно, в то время как все у нее внутри трепетало от волнения. Джонатан согласился! Конечно, пока только заниматься французским, но это лишь начало.

Глава 4

Урок оказался ужасным во всех смыслах. Прошел час, и Клэр почувствовала, что абсолютно выдохлась и не знала, что делать. Если подруги хотели, чтобы таким образом Лэшли обратил на нее внимание, то они определенно ошиблись.

Ее корсет был ужасно тугим, сдавливая и приподнимая ее грудь в новом произведении Эви – дневном бледно-зеленом платье с глубоким вырезом, но Лэшли не мог долго усидеть на одном месте, чтобы оценить ее красоту. Он постоянно вставал из-за длинного стола в библиотеке Велтонов и подходил к окну, за которым не было абсолютно ничего интересного. В этом Клэр убедилась сама, когда, не выдержав, приблизилась к окну вслед за ним. Она решила, что, возможно, садовники работают совершенно обнаженными. Но нет. К счастью, они были одеты. За окном не оказалось ничего интересного, лишь сад и стена, отделявшая его от переулка.

Очевидно, «предметом интереса» Лэшли было нечто совсем другое. Он уже в восьмой раз проходил по комнате к окну, и, хотя она с удовольствием разглядывала его широкие плечи, обтянутые синим фраком, и длинные ноги в коричневых брюках, на которых не осталось и следа от чайного пятна, толку от этого не было никакого.

Ей хотелось силой усадить его на стул и прикрикнуть: «Сядьте и посмотрите на меня!» И не только потому, что она нацепила это дурацкое платье исключительно ради него, а потому, что ей просто не удавалось воспользоваться хитростями, которым ее научили Мэй и Беатрис для привлечения мужского внимания. Но если он будет ходить взад-вперед по комнате, у нее ничего не выйдет. Он должен сесть, чтобы она смогла наклониться над столом и указать ему на какой-нибудь отрывок в книге. Он должен сесть, чтобы она подошла к нему сзади и, слегка склонившись, коснулась бы грудью его плеча, привлекая его внимание к написанному в книге. Советы были неплохи, но едва ли Клэр смогла бы ими воспользоваться, так как Джонатан просто не мог усидеть на месте.

Клэр взглянула на часы. Время подошло к концу, а они так ничего и не сделали. Лэшли решит, что она некомпетентна. И эта мысль заставила ее забыть о сдержанности.

– Давайте попробуем еще, мистер Лэшли. – Она подошла к окну, держа в руке книгу, и тихо произнесла: – Dag sana gelmezse, sen daga gideceksin.

– Что вы сказали? – Лэшли резко отвернулся от окна, вздрогнув от ее слов.

– Я сказала: «Если гора не идет к тебе, то ты сам должен пойти к горе». Это из эссе…

– Фрэнсиса Бэкона, я знаю. Но Бэкон писал свои эссе на английском, – добавил Лэшли. – А это, по-моему, турецкий.

– Да, вы правы.

– Неужто вы говорите по-турецки, мисс Велтон? Это один из ваших четырех языков? – Он смотрел прямо на нее своими пронзительными синими глазами.

Клэр покраснела, ей было приятно, что Джонатан запомнил то, что рассказала Мэй.

– Это будет мой пятый язык. Поскольку Османская империя, похоже, настойчиво требует внимания Британии, я считаю благоразумным изучить турецкий язык. – Клэр было приятно поделиться с кем-нибудь своими планами. Она наклонилась вперед, указывая ему на страницу и надеясь, что ее грудь предстала перед ним во всей красе. – Но мы здесь не для того, чтобы изучать турецкий, мистер Лэшли. Возможно, нам снова стоит вернуться к французским упражнениям? Прочитайте первое предложение, s’il vous pla?t[4 - Пожалуйста (фр.).].

Лэшли с трудом перевел дух. Он едва заметно стиснул зубы.

– Ow est lee salon?[5 - Искаженное «O? est le salon?» – «Где находится гостиная?» (фр.).]

Вот она, вторая причина, по которой урок стал катастрофой, – его произношение резало слух. Да, французский Лэшли действительно звучал ужасно, несмотря на то что Лэшли старался изо всех сил. Даже маленьким детям, которых она обучала, французский давался гораздо легче, чем Лэшли. Похвала могла бы ободрить его, но что она могла сказать в ответ на такое?

– Хорошо, фраза прозвучала как вопрос, неплохо. Вы все сделали правильно.

Но Лэшли мгновенно разгадал ее хитрость.

– Я не ребенок, мисс Велтон. Ложью вы мне не поможете. У вас все так легко получается. Я читаю слова и понимаю значение, но не могу произнести их так же, как вы.

– Пока еще не можете, – настаивала Клэр.

На лице Джонатана отразилось отчаяние.

– У нас еще не было практики.

Лэшли отошел от окна и провел рукой по волосам, а затем покачал головой:

– У меня было достаточно практики. Долгие годы. Простите, мисс Велтон, что зря потратил ваше время. Ничего не получится.

Он уходит? Нет. Это невозможно. В ее душе вспыхнуло упрямое и яростное чувство. Он не выйдет из этой комнаты. Клэр стремительно пересекла комнату, загородила собой дверь, уперев руки в бока и не давая ему пройти. Он так просто от нее не избавится!

– Я не думала, что вы из тех, кто пасует перед трудностями, мистер Лэшли, или же, возможно, вам не приходилось сталкиваться со сложной ситуацией, которую вы не могли сразу преодолеть?

– Вы совсем меня не знаете, чтобы делать такие предположения. – Лэшли скрестил руки на груди и уперся в нее пристальным взглядом.

Это был уже не тот Джонатан Лэшли, которого она знала, перед ней стоял помрачневший, холодный мужчина. Веселый, приятный в общении молодой человек внезапно сделался опасным, и это ощущение опасности вскружило Клэр голову. Ее сердце бешено заколотилось, но она продолжала стоять на своем.

И это было нелегко! Она еще никогда не оказывалась так близко к нему, так близко, что должна была вскинуть голову, чтобы взглянуть ему в глаза. Клэр ощутила исходящий от него аромат кедра и сандала и, не удержавшись, вдохнула этот пряный мужской запах полной грудью.

– Вы очень смелая женщина, мисс Велтон. – В голосе Джонатана прозвучало ледяное предостережение. – Вчера вы вытирали мои мокрые брюки, а сегодня не даете мне выйти из комнаты. Остается только гадать, что вы сделаете со мной в следующий момент. Возможно, завтра вы привяжете меня к стулу и я окажусь в полной вашей власти?

Клэр густо покраснела. Его изощренное описание заставило разыграться ее воображение, и она в мельчайших деталях представила, что могла бы сделать с ним. Руки Джонатана стянуты веревкой, его безупречный галстук развязан, рубашка распахнута на груди, он широко расставил свои длинные мускулистые ноги, брюки уже не могут скрыть его горячее возбуждение.

От этих мыслей у Клэр запылали не только щеки. Святые боги, где ее веер? Это уже чересчур. Она должна остановиться. Она взяла себя в руки и с трудом отогнала запретные мысли, которые вырвались из глубин ее сознания, словно из ящика Пандоры. Это она во всем виновата, начиная от этого ужасного урока и заканчивая непристойными мыслями о сексуальных играх со связыванием.

– Вы сами меня попросили! – Клэр ощутила раздражение. Откуда это взялось? Она давно уже не чувствовала себя такой дерзкой. – Вы попросили меня о помощи, и вы ее получите. Я нужна вам, если вы хотите получить этот важный пост в Вене!

Она схватила его за руку и, развернув, потащила за собой подальше от двери.

– А теперь мы заново начнем упражнение. На этот раз вам всего лишь надо будет следить за моими губами. Как думаете, справитесь?

Очевидно, нет. С самого начала урока Джонатан все делал неправильно. Он выдал это кошмарное замечание о стуле и заставил леди чувствовать себя неловко. Но в этом была ее вина. И, заставив его следить за ее губами, она тоже совершила огромную ошибку. Что, черт возьми, с ней такое? Это была не та мисс

Велтон, которую он знал. Если он вообще ее знал. Так же как и она его. Что они знали друг о друге, кроме нескольких незначительных мелочей?

Она выходила в свет в течение трех сезонов. Чем она занималась все это время, помимо изучения турецкого? Возможно, привязывала мужчин к стульям и без стеснения занималась с ними любовью. Конечно, она покраснела от злости, когда он сделал это замечание. Он бы многое отдал, чтобы узнать, о чем она подумала в тот момент. Обычно она всегда была тиха и сдержанна. И все же он не мог отделаться от мысли, что тихая сдержанность была не естественной, а выработанной чертой Клэр Велтон.

– Вы смотрите на меня? – настойчиво поинтересовалась она. – Вы должны сосредоточиться. – Она начала произносить французское предложение с самого начала, и ее фраза прозвучала настолько безупречно, что он окончательно запутался.

Джонатан сосредоточился. На ее губах. Как она и просила. Могла ли она представить, каково ему было смотреть на этот крупный розовый рот с соблазнительной пухлой нижней губой и на череду ровных белых зубов, из-под которых возникали невероятные французские слоги, и при этом не забывать об уроке? Эта задача оказалась почти непосильной, а так не должно было быть.

Возможно, вопрос заключался не в том, что не так с ней, а что, черт возьми, с ним такое? Ни разу за последние три года их спокойных и непринужденных встреч ему не хотелось смотреть на нее так, как сегодня. Сегодня он заметил не только ее губы: эти янтарные глаза, цвета хереса, каштановые волосы, выпуклые аппетитные груди, соблазнительно приподнятые корсетом платья.

– Repetez. Je m’appelle Claire[6 - Повторите. Меня зовут Клэр (фр.).].

Он не сводил глаз с ее губ, когда она произносила слова, и повторил фразу, не отводя глаз от ее лица, чтобы случайно не взглянуть ниже.

– Juh mapel Claire.

– Джонатан, – мягко укорила она его. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь окно, высветили несколько золотистых прядей, скрывавшихся в каштановой гриве ее волос.

– Да? – Он мгновенно поднял глаза.

– Но это ведь не вопрос. Вы должны были вставить собственное имя в это предложение. А вы сказали: «Клэр».

– Точно. Juh mapel Jonathon, – поправил он себя, словно бестолковый школьник.

– Замечательно. Уже намного лучше, – похвалила его Клэр, и он вдруг почувствовал непонятную радость оттого, что сумел справиться с простейшим предложением.

Она склонила голову набок, изучая его, и на этот раз он не смог сбежать. Клэр взглянула на него так, будто пыталась измерить всю глубину его души. С самого начала урока этот взгляд лишал его самообладания, а затем начинал возбуждать. Для него было не впервой становиться объектом женского внимания. Он знал, что женщины считали его привлекательным: физически, с точки зрения финансового состояния и положения в обществе. Он был слишком лакомым кусочком. Но ни одна женщина не смотрела на него так. Она не оценивала его, она словно что-то в нем искала. Что она видела? При мысли об этом он слегка заволновался.

Он так часто вставал из-за стола, что, возможно, она решила, что у него проблемы. Но, конечно, он не мог объяснить, что отворачивается от нее, пытаясь скрыть сильную эрекцию. Тугие брюки сослужили ему плохую службу и вчера, и сегодня. Сначала чай, теперь вот это.

– Могу я задать вам пару вопросов? – Теперь голос Клэр звучал мягче, женственнее, но она не сводила с него глаз. – Вы ведь можете переводить с французского? Вы можете на нем писать?

– Да. И вполне неплохо. – В его голосе прозвучала настороженность. Неужели она считала его невежественным болваном? Его гордость была задета.

– Как вы занимались с предыдущими репетиторами? Вы читали с листа, так же как со мной сегодня утром?

– Да, мы читали отрывки из книг. – Он пытался понять, куда она клонит. – А какое это имеет значение, мисс Велтон?

– Больше мы не станем этим заниматься. Не думаю, что вам это поможет. А иначе прогресс уже был бы налицо. – Она задумчиво постучала себя тонким пальцем по подбородку. – У меня есть подозрение, мистер Лэшли, что вам мешает боязнь публичного выступления.

Совершенно очевидно, она не заметила его возбуждения.

– Уверяю вас, мисс Велтон, у меня нет «боязни публичного выступления».

Если уж на то пошло, сегодняшний утренний инцидент доказал обратное. Он чувствовал свою силу, возбужденный присутствием женщины, которую едва знал, потому что на ней было восхитительное бледно-зеленое платье и она вытворяла потрясающие вещи своими губами.

Клэр деликатно кашлянула.

– Существует много разновидностей боязни публичного выступления, мистер Лэшли. Я не совсем понимаю, о какой боязни говорите вы, но я имею в виду, что, когда в прошлом вам приходилось говорить по-французски, вы ощущали на себе пристальное внимание публики, вам было неловко, вам казалось, что вас судят, и потому не могли достойно справиться с заданием.

Джонатан фыркнул.

– И вы можете решить эту проблему? – Он уже заранее боялся, что она не сможет, и вовсе не по своей вине.

Она уверенно кивнула, не подозревая, что он утаивает от нее важную информацию.

– Думаю, да. Но могут потребоваться нетрадиционные методы обучения. – В его мыслях тут же возникли веревки и стулья. Возможно, он не заблуждался на ее счет. – Мы не будем сидеть за столом и читать книги. – О, значит, никаких веревок и стульев. – Думаю, что присутствие визуальных подсказок и было

частью проблемы. Читая, вы видите слова, но не слышите их. И вы произносите их по-английски. И хотя во французском языке такой же алфавит, как и в английском, его буквы не всегда произносятся одинаково. Вам необходимо слышать язык, а не видеть его. От этого мы и начнем отталкиваться.

Джонатан вскинул темную бровь, впечатленный ее теорией, и все же на его лице читалось сомнение. Он должен непременно рассказать ей обо всем. Нечестно утаивать от нее правду. Дело не в том, что он не мог говорить по-французски. Он больше не мог говорить на этом языке. Когда-то он блестяще изъяснялся по-французски, но только до того момента, как пошел на войну и потерял Томаса. И его жизнь словно остановилась.

– Ваши репетиторы пробовали этот метод? Очевидно, нет. А вы хотите попробовать? Мы начнем с того, что вы просто станете повторять мои фразы, а затем, в конце концов, мы перейдем к разговорам, и вы станете придумывать собственные ответы. И мы не будем заниматься за столом в тесной комнате. Завтра мы отправимся в сад, чтобы вы почувствовали себя легче и естественнее.

Надо отдать ей должное, она искренне пыталась помочь.

Часы на каминной полке пробили час. Урок закончился.

Клэр перевела на него взгляд:

– Au revoir, monsieur Lashley. A la prochaine[7 - До свидания, месье Лэшли. Увидимся в следующий раз (фр.).].

– До встречи, Клэр.

Произнося ее имя, он понизил голос, выделяя его так, будто это что-то новое и необычное. В каком-то смысле именно так все и было.

Что-то вспыхнуло в ее глазах, и она первая отвела взгляд. Очевидно, ее настойчивость имела свои границы, и хотя эти границы позволили ей броситься к двери и произнести провокационные слова «следите за моими губами», но не позволили ей выдержать пристальный мужской взгляд. И это противоречие заинтриговало его. Клэр Велтон была не той, кем казалась. Она была гораздо

сложнее.

Джонатан с удовольствием снял бы с нее каждый слой ее души, но не так, как снимают слои с лука, лук бы он предпочел порубить на куски, а как лепестки с розы – нежно отгибая их в сторону, чтобы добраться до сердцевины ароматного бутона.

Глава 5

Как оказалось, свежий воздух действительно пошел ему на пользу. На следующий день Джонатан казался более спокойным и сосредоточенным. Клэр сразу заметила, что он стал говорить гораздо свободнее, когда посторонние предметы больше не занимали его внимания, и он не опасался излишнего любопытства к своей персоне. Клэр очень хотелось бы чувствовать себя так же, как он. Возможно, она частично поборола его страх перед публичными выступлениями, но себе помочь не смогла.

Садовые дорожки ни капельки ей не помогали. Желая помочь ему расслабиться, она забыла о собственном спокойствии, не учтя того, что в саду оказалось множество укромных уголков, которых не было в библиотеке. Там не было пыльных книг, а воздух наполнял аромат роз. Здесь не было огромных столов, увеличивавших расстояние между ними, в саду они шли бок о бок, ее ладонь касалась его руки, что было совсем не обязательно и выглядело даже излишне смело. И таким образом они неспешно прогуливались в течение часа.

Клэр отлично знала, что именно этого она отчаянно желала: стоять рядом с Джонатаном, коснувшись ладонью его руки. И она действительно наслаждалась возможностью быть рядом с ним. Но ей становилось все труднее сосредоточиться на чем-то, кроме него. И все же это была удачная идея. Сад – le jardin – способствовал развитию разнообразных тем для разговоров и обогащения словарного запаса, начиная от слова l'arbre[8 - Дерево (фр.).] и заканчивая фразой, вроде ouvrez la porte[9 - Откройте дверь (фр.).].

– Могу себе представить, как это слово выглядит на бумаге. – Джонатан расхохотался, когда они отработали последнее предложение. – Ouvrez. И что это за слово? – Сегодня он снова стал тем Джонатаном, которого она знала,

веселым, легким и остроумным. Опасный мужчина из библиотеки, так возбуждавший ее, к счастью, исчез.

– Это французское слово, и не стоит представлять его. Думаю, в этом и заключается ваша проблема. Вы видите французские слова глазами англичанина. – Очень красивыми, но все-таки английскими глазами.

Лицо Джонатана озарилось радостным светом.

– Надеюсь, мне удалось доказать, что я не полный болван.

Клэр услышала в его голосе надежду на похвалу. Как странно осознавать, что Джонатану Лэшли необходимо услышать от нее эти слова. Все вокруг обожали его. Считали идеальным. Клэр улыбнулась в ответ и заверила его:

– Я никогда так и не считала. Ну а теперь, когда мы знаем, что выбрали правильное направление, все пойдет гораздо быстрее.

– От этого слишком многое зависит. – Они дошли до конца тропинки и уперлись в забор, проходивший по границе владений. Джонатан помедлил, когда они развернулись в обратную сторону, и Клэр ощутила его нерешительность. – Но вы, очевидно, об этом знаете. Могу я спросить откуда? Вчера вы упомянули о моем назначении на пост в Вене. – Он нахмурился. – Об этом не все знают, по крайней мере, я не объявлял это во всеуслышание.

Клэр закусила губу. Она не знала, как объяснить ему это. Ей следовало быть осторожнее и не говорить все, что взбредет в голову в пылу спора.

– Я не хотела вас обидеть…

– Нет, – перебил ее Джонатан. – Я не обиделся, просто удивился, что вы знаете.

– Это назначение так важно для вас? – спросила Клэр, уклоняясь от прямого ответа. Она не хотела, чтобы у Мэй были из-за нее неприятности.

Джонатан кивнул:

– Это очень важно для меня. Это назначение даст мне шанс сделать что-то хорошее в жизни. Остановить войну. Это мой шанс изменить мир.

Клэр рискнула взглянуть ему в лицо и с удивлением увидела, что его веселые синие глаза сделались серьезными. Он говорил совершенно искренне. В это мгновение перед ней снова предстал совершенно иной Джонатан Лэшли, которого она не знала раньше.

Клэр медленно кивнула, обдумывая его слова.

– Это очень благородно. – И дело не в страсти, с которой Джонатан произнес эти слова, – все заключалось в его мотивах. Он стремился не к славе, а желал счастья для других. – У вас есть цель. Я не знала.

– А вы и не могли об этом знать. Это не слишком подходящая тема для беседы во время вальса. – Джонатан улыбнулся, но Клэр почувствовала, что он закрылся в себе. И всеми силами стремился избежать продолжения этого разговора.

Клэр искоса взглянула на него из-под шляпки.

– Вы выбрали для себя трудную задачу. Похоже, государства наживаются на войнах. Война необходима для того, чтобы построить империю, а потому войны неизбежны…

Джонатан кивнул:

– После 1814 года в мире царит нестабильность. Могу только представить себе масштабы захвата земель, которые продолжатся в будущем. Если не остановить этот процесс, Центральная Европа перестанет существовать.

Клэр внимательно слушала, как Джонатан рассуждает о политике. И как она могла не знать его с этой стороны? А знал ли вообще кто-нибудь его с этой стороны? Клэр вдруг ощутила укол неожиданной ревности. Неужели в эту сокровенную часть своей души он допускал лишь тех, кто был ему близок?

– А мисс Нотэм разделяет ваше мнение?

Клэр, не отрываясь, смотрела на него. На мгновение Джонатан испугался, что совсем заговорил ее. Обычно он старался не перегружать других людей своими разговорами. Но Клэр слушала его с таким увлечением. И, заговорив, он почувствовал потребность все ей рассказать. И только когда она задала свой вопрос, он понял, что, видимо, зашел слишком далеко.

– Мисс Нотэм? О нет. Мы никогда не обсуждали подобные вопросы. Она предпочитает говорить о моде и светском обществе, – беспечно ответил Джонатан, словно интересы Сесилии были вполне естественны.

– Конечно, – коротко ответила Клэр.

Джонатан сразу понял свою ошибку. Ему следовало догадаться, что она воспримет его ответ как завуалированный упрек.

– Но мне кажется, хорошо образованная и начитанная женщина – это нечто совершенно неожиданное. Не всем же только сплетничать и обсуждать наряды, – поспешил он исправить свою нечаянную оплошность.

Клэр усмехнулась:

– Не стоит оправдываться. Я привыкла к тому, что мои интересы не по вкусу мужчинам. И попрошу вас не притворяться.

– Я никогда не притворяюсь, – серьезно ответил Джонатан. – А вы? Вы притворялись, что вам интересно слушать мою речь об Османской империи?

– Вовсе нет, я… – произнесла Клэр так резко и убедительно, что Джонатан не смог удержаться от улыбки.

– Значит, мы пришли к согласию. Будем абсолютно честны друг с другом. – Он задумчиво посмотрел на нее. – Честно говоря, вы совсем не такая, какой я вас представлял. Вы не та, кем кажетесь.

Клэр прищурилась, в ее янтарных глазах блеснуло настороженное любопытство.

– А какая?

– Еще совсем недавно у меня было четкое ощущение, что вы специально желаете оставаться незаметной.

– И потому вы так долго меня не замечали. Я самый обыкновенный синий чулок, мистер Лэшли. Мужчины избегают подобных женщин. – От ее слов веяло ледяной честностью.

– И поэтому до недавнего времени вы старались отдаляться от общества? – рискнул спросить Джонатан.

– До недавнего времени? – Клэр нахмурилась.

– Могу я спросить: у вас есть кто-нибудь на примете? У вас есть поклонник?

Клэр опустила глаза. Очевидно, он поставил ее в неловкое положение. Ему следовало извиниться, но Джонатан не мог сдержать улыбку.

– Так, значит, я прав. На горизонте появился мужчина? Могу я узнать, кто он?

Возможно, он сумел бы им помочь. Возможно, подбодрил бы этого джентльмена, если бы встретил его в одном из клубов. Ее остроумие и колкие замечания наверняка отпугивали кавалеров. Мужчина, который ей понравился, возможно, даже не догадывался о ее интересе. Это было самое меньшее, что он мог для нее сделать. Она помогала ему. Он хотел бы отплатить ей за услугу, но едва бы смог заплатить ей деньгами, как обычному репетитору.

Клэр покачала головой:

– В этом нет необходимости. Он ни о чем не догадывается, – пробормотала она, с трудом произнося слова.

Он достал из кармана часы и с удивлением увидел, что уже половина второго. Он явно злоупотребил гостеприимством Клэр.

– Возможно, нам стоит как-то намекнуть ему об этом. Вы будете у леди Гриффин сегодня вечером? Приберегите для меня танец.

Если женщина хочет заставить мужчину обратить на себя внимание, ей стоит согласиться на танец с другим мужчиной. Это было излишне заносчиво с его стороны, но он был готов оказать ей такую услугу.

– О нет! Я не могу. – Клэр пришла в искренний ужас.

Но он не отпустит ее просто так.

– Послушайте, но я же не предлагаю затащить его в переулок и силой вбить в него здравый смысл. – Хотя, возможно, этот тип заслуживает, чтобы с ним обошлись подобным образом, если он не замечает чар Клэр.

– Что ж, если вы устроите нечто подобное, je voudrais rien de plus[10 - Я больше ничего не хочу (фр.).].

Джонатан подумал о том, что он мог бы попросить у нее в качестве оплаты за услугу. Возможно, поцелуй. Неожиданная мысль потрясла его до глубины души. Ему хотелось поцеловать Клэр Велтон? Конечно, это не столь смелая мысль, как вчерашняя фантазия о стульях и веревках, но откуда вообще вдруг взялась эта идея? Она была его репетитором по французскому языку, не более того.

Вероятно, всему виной простое мужское любопытство. Теперь, когда он знал о существовании другого мужчины, возможно, ему захотелось понять, что он теряет. Джонатан бросил заинтересованный взгляд на свою спутницу. Сегодня на ней было темно-желтое платье, цвета одуванчиков, подчеркивавшее сияние ее кожи и темный цвет волос. Клэр источала вокруг себя удивительный свет, словно солнечный лучик, который просто невозможно было не заметить. У Джонатана перехватило дыхание. Он был молодым, здоровым мужчиной. И потому его влечение к хорошенькой девушке выглядело вполне естественно.

Локон, выбившийся из ее прически, ласкал ее щеку. Не задумываясь, Джонатан протянул руку и заправил его за ухо Клэр.

– Тогда до вечера. Я уже предвкушаю наш танец. Кем бы ни был этот мужчина, он настоящий глупец, если не заметит вас.

Однако, к его удивлению, этот комплимент не порадовал ее.

– Вы считаете, что так хорошо знаете меня всего после нескольких дней знакомства?

– Я знаю вас гораздо дольше. Мы играли вместе в детстве.

Клэр покраснела в ответ.

– Прошу, только не напоминайте об этом. Мы не давали проходу вам и Престону. И мы почти не играли. Должно быть, мы были очень вредными и приставучими девчонками. И наше детское знакомство не обязывает вас говорить то, что вы не имеете в виду.

Откуда вы знаете, что я не имею этого в виду? Ему отчаянно хотелось задать ей этот вопрос, чтобы продолжить спор, но слова, которые понравились бы другой женщине, могли обидеть. Ей не понравится грубая лесть. В отличие от большинства женщин. Сесилия Нотэм уж точно пришла бы в восторг. Она обожала комплименты пуще шоколада. И он щедро угощал ее и тем и другим.

Джонатан поклонился, решив удалиться, пока спор не зашел слишком далеко.

– Думайте что хотите, мисс Велтон, но я с нетерпением буду ждать сегодняшней встречи с вами на вечернем балу.

Глава 6

Джонатан ангажировал ее на танец! И даже мысль о том, что он сделал это исключительно ради того, чтобы помочь ей с несуществующим кавалером, не могла уменьшить восторга Клэр. Она стояла в танцевальном зале в особняке Гриффинов вместе с подругами в новом шедевре от Эви, искрясь от предвкушения танца и осознания собственной привлекательности: элегантное

кремовое кружево благородно подчеркивало изящество шелкового платья оливкового цвета, украшенного вышивкой из старинной черной тесьмы. Вырез платья был намеренно сделан высоким.

Джентльмены вились вокруг других леди, подписывая крохотные танцевальные карточки, свисавшие с изящных запястий, и лишь их карточки, как, впрочем, всегда, не пользовались популярностью. Престон нацарапал свое имя напротив танца в деревенском стиле. Брат Мэй всегда выполнял свой долг, так же как и парочка дальних родственников Эви, но это не шло ни в какое сравнение с толпой джентльменов, собравшихся вокруг Сесилии и ее подруг, – она притягивала к себе все мужские взгляды. Клэр ощутила укол зависти. Каково это, когда все восторгаются тобой, когда леди жадно разглядывают твои туалеты, а джентльмены пытаются завести с тобой разговор?

Внезапно Клэр пронзила ужасная мысль. А что, если Джонатан передумал танцевать с ней? Былые сомнения нахлынули на нее с новой силой. Что, если он увидит Сесилию Нотэм и решит, что ему не стоит тратить время на Клэр?

– Мисс Велтон, вы сегодня выглядите просто потрясающе, – внезапно услышала она голос Джонатана, склонившегося к ее руке.

– Добрый вечер, мистер Лэшли. – Клэр не смогла сдержать радости и широко улыбнулась ему. Он не забыл о ней!

– Я хотел бы попросить вас оказать мне честь и ангажировать вас на танец. Если у вас еще остались свободные танцы. – Он выжидающе взглянул на ее карточку.

– Конечно. С большим удовольствием.

Клэр смотрела, как он пишет свое имя напротив пятого танца вечера – вальса, и старалась изо всех сил сохранять спокойствие. Джонатан станет танцевать с ней вальс!

– Ваш избранник уже здесь? – Джонатан заговорщически наклонился к ней, обдав ее сандаловым ароматом.

– Гм, да. – Стоит прямо передо мной.

– Тогда, возможно, нам следует пройтись по залу перед нашим танцем. – Джонатан дружески подмигнул ей и подал руку. – Мы можем попрактиковаться в французском.

– Это была замечательная идея, мистер Лэшли! – воскликнула Клэр, когда они обошли зал. Войдя в роль репетитора, она успокоилась.

Джонатан расхохотался:

– У меня полно замечательных идей на любой случай жизни.

– Вы сейчас находитесь в своей естественной среде обитания. И неплохо себя чувствуете. И в вашем французском тоже чувствуется прогресс, – похвалила его Клэр.

Джонатан сухо кивнул, блеск в его глазах слегка померк.

– Вы слишком добры. Думаю, танцевальный зал – это моя естественная среда обитания в последнее время. Я слишком часто бываю на балах. – Клэр пришло в голову, что он хотел сказать нечто большее, но в этот момент оркестр заиграл пятый танец. – Наш выход, мисс Велтон. – Его лицо снова озарила улыбка, и он вывел ее в центр зала.

У Клэр перехватило дыхание.

– Все смотрят на нас.

– Но ведь это то, что нам нужно, не так ли? – Он заразительно улыбнулся, и его рука обвила ее спину.

Клэр на мгновение охватила паника.

– Я так давно не танцевала вальс. – На самом деле с того самого первого бала. А что, если она споткнется? Что, если наступит ему на ногу? Что, если она забыла все па?

– Вы слишком много думаете. – Джонатан усмехнулся, словно прочитав ее мысли. – Я не дам вам упасть.

– Вам легко говорить! – яростно прошептала Клэр. – Вы вальсируете каждый вечер.

– И вы бы тоже могли. – Джонатан многозначительно вскинул бровь, когда заиграла музыка.

Он повел ее в танце, его рука удерживала ее, и они двигались в едином порыве. Неохотно, медленно ее тело слушалось его движений, следуя за ним. Благодаря Джонатану она быстро вспомнила все па. Он вальсировал так же безупречно, как делал все остальное, без усилий ведя ее за собой.

– У вас прекрасно получается! Вы отлично танцуете. – Джонатан закружил ее. – Почему бы вам не танцевать чаще?

Хороший вопрос. Ей сложно было вспомнить почему, когда она восторженно кружилась в объятиях Джонатана. Танец дарил чувство свободы, ей казалось, что она летит.

– Не знаю. Я просто перестала танцевать.

Он пристально смотрел на нее своими сияющими, веселыми глазами.

– Возможно, настало время «просто начать» сначала.

Пожалуй, он прав. Но сейчас ей не хотелось думать о том, что будет. Сейчас ей хотелось наслаждаться вальсом, ощущением полета, которое, скорее всего, больше никогда не повторится.

Джонатан оказался безупречным партнером во всех отношениях. Он ни на мгновение не сводил с нее глаз, его разговор не умолкал, и он уверенно вел ее во время танца. Его внимание было сосредоточено исключительно на ней. Даже в зале, наводненном людьми, она чувствовала себя так, будто они остались с ним наедине.

Но все закончилось слишком быстро. Танец подошел к концу, и она не могла больше оставаться рядом с ним. Он уже и так уделил ей много времени. Джонатан отвел ее в сторонку, где собрались другие леди, и откланялся, пообещав завтра явиться на урок. Он ослепительно улыбнулся и скрылся из вида. Все выглядело очень благопристойно. А чего она ожидала? Что он пригласит ее на второй танец? Или на ужин? Или весь остаток вечера станет прогуливаться с ней среди гостей, практикуясь в французском?

Это были глупые мысли, потому что его ждала Сесилия, а также другие обязанности, требовавшие его внимания. Для такого мужчины, как он, балы были не только развлечением, но и работой. Балы посещали люди, с которыми необходимо было завести полезные знакомства и нужные связи. Спасти Европу. Клэр улыбнулась себе под нос. Кто еще знал, сколько важных планов он тайно вынашивает?

Мэй дернула ее за руку:

– Ты вся светишься, значит, все было так же чудесно, как и выглядело со стороны. Пойдем в дамскую комнату, и ты все нам расскажешь.

– Ты выглядела потрясающе, Клэр. Все только на вас и смотрели! – воскликнула Эви.

– Даже Сесилия, – многозначительно вставила Мэй. – Она ушла из зала посреди танца.

– Лэшли не сводил с тебя глаз весь танец. – В голосе Беатрис прозвучала грусть.

– Он со всеми себя так ведет, не только со мной. И это всего лишь танец.

– Знаете, а она права. – Дверь в дамскую комнату распахнулась, и послышался резкий голос. Сесилия царственно вошла внутрь в сопровождении своей блестящей свиты. Она села за туалетный столик перед зеркалом и начала поправлять искусно приколотый шиньон. – Добрый вечер, Клэр. Хорошо, что хоть у одной из вас есть здравый смысл.

Сесилия одарила Клэр хищной улыбкой, отраженной в зеркале, и та ощутила, как по спине побежали мурашки. Она поняла, что это предупреждение. Ее охватило желание выскочить из дамской комнаты, но Беатрис схватила ее за руку, давая понять, что они не собираются отступать.

– Мой милый Лэшли очень добр к людям. Он способен очаровать кого угодно. – Порывшись в ридикюле, Сесилия снова окинула взглядом Клэр. – Оливковый цвет идет тебе гораздо больше, чем розовый. Я вижу, ты начинаешь понемногу разбираться в моде.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Беременная (фр.).

2

Озерный край (англ. Lake District) – горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия.

3

Здравствуйте (фр.).

4

Пожалуйста (фр.).

5

Искаженное «O? est le salon?» – «Где находится гостиная?» (фр.).

6

Повторите. Меня зовут Клэр (фр.).

7

До свидания, месье Лэшли. Увидимся в следующий раз (фр.).

8

Дерево (фр.).

9

Откройте дверь (фр.).

10

Я больше ничего не хочу (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/skott_bronvin/uroki-obol-scheniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить